

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

ИЗ КРЯКВ

Галина Николаевна Щербакова

Из крякв

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184158

Дочки, матери, птицы и острова: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-32640-2

Галина Щербакова

Из крикв

Мне сюда сесть? На диван? Спасибо. Какие комковатые подушки! Я дам совет. Перо хорошо просушивать в духовке. Это просто: перебрать – и в наволочку на выжарку... Подушка потом делается легкой, укладистой... А у вас одни комки... Конечно, вам не до этого... Я вот пришла. Отнимаю время. Нет, ни чаю, ни кофе. стакан сырой воды... Прямо из крана. У меня пересыхает горло. Сколько вы мне дадите лет? Не стесняйтесь... Мне можно сказать все. Потому как и я могу сказать все... Вам, например, пятьдесят с хорошим хвостом, хоть вы с теньями и с бантиком на голове. Вы пожилая и не очень счастливая. Да? Теперь говорите мне... какая. Не хотите... Пришла, мол, сволочь, и хамит. Вы еще не знаете, какая я сволочь. Я вас только готовлю. стакан у вас тусклый... Вы его полощете под водой, и все. А я мою в крепкой соли и протираю так, что не без крови... Видите порезы на пальцах? Это от стаканов. Я уже перехожу к делу. стаканы – важная деталь.

У меня не было другого способа его завоевать, как стать такой хозяйкой, чтоб сравнить меня было не с кем. Как Горького, матерого человечища. Все цитаты из школы помню отлично, потому что и в школе у меня не было другого способа обратить на себя его внимание, как хорошей учебой. Оде-

валась я плохо, немодно. Внешность у меня – сами видите. Зауряд. Не спорьте! Конечно, все при мне, глазки там и прочие выпуклости, но я не нравилась. Никому и никогда. А ему особенно. Его зовут Эдуард, у него мама – полька, всю жизнь жила в России и нас же ненавидела. Презирала, можно сказать. Я Эдика увидела в седьмом классе. Ходила за ним и нюхала, как собака. От него пахло иначе, даже не скажу прекрасно, но мне нравилось до невозможности. Потом я узнала, что у них такой запах дома. Каждый ведь дом пахнет по-своему. С седьмого класса я спятила. Просто не знала, что с собой делать, куда себя деть. Он на меня ноль внимания, хотя не дурак же! Видел, что я вечно торчу на его пути. В девятом он прислал мне записку: «Исчезни из моей жизни». Я ему ответила: «Никогда». Это вся наша переписка за всю жизнь. В девятом же он начал крутить со Светкой Куликовой. Светка тянула на медаль, и я напряглась тоже. У Светки мать – учительница в нашей школе, ей легко было учиться. Ее спрашивали, когда она выучила. Ее мать говорила в учительской: «Спроси сегодня мою». И все дела. А я пупок надрывала. Мама-покойница, царство ей небесное, за все мои успехи купила сто лет ношенную дубленку. Я была наверху блаженства... Дурацкие, между прочим, слова. Верх блаженства. У блаженства нет верха. Я это знаю. А вы? Нет... Это мало кто знает.

Тогда в засаленной дубленке – но в дубленке же! – я просто пошла на Эдика, поперла на него, можно сказать, как

танк. В какой-то момент – мне так показалось – он на меня не то что клюнул, а все-таки затормозил глазом. А потом у него пошло на меня отвращение. От вас когда-нибудь отвращались? Ну что вы дергаете головой? Это нельзя не знать. Это как бы смрадом и холодом веет, а ты голый. Эдик стал меня позорить и унижать. При всех. И какая я дура. И ноги у меня, как ножки у скамейки. И от голоса моего у людей сыпь. И воняю я. Все хохочут. Особенно когда про ножки скамейки. Посмотрите на мои ноги. Видите? Не фонтан, икры, правда, тяжеловатые, но ведь прямые и не кончаются сразу после колена. Девятый я не знаю как прожила. От медали уже мысленно отказалась, сил не было. А со Светкой у него все кончилось. Началось с Наташкой. А Наташка, между прочим, поповская дочка. Вся такая праведная, смиренная, послушная. С души воротит. Но внешность – таких теперь нет. Это объективно. Коса до попы и кольцом заворачивается. На висках и на лбу кудри. Глаза навывкате, но в меру, и желтые, желтые... как молодой мед. Я ни у кого таких глаз не видела. Одно дело была Светка. Ее, как простую... можно было прижать где надо, а может, и больше с нее взять. Уже многие тогда перепихивались, не придавая значения. Но поповское воспитание – дело пока еще непонятное. Эдику моему стало трудно. Никакой разрядки организм его не получал. Это по нему было видно. И однажды он догнал меня возле подъезда и предложил посмотреть на город с чердака. Я сразу все поняла. Он меня изнасилует и с крыши сбросит,

как мешок дерьма. Я говорю ему: не надо на чердак, пошли ко мне, дома никого нет. Нет, сказал он. И ты, и еще твой дом многовато для меня будет. И ушел. Я догнала его на улице и говорю: «Идем на чердак». – «Пошла ты...» – ответил он. Я не сказала, что это сейчас, что поп, что секретарь обкома – разницы нет, а тогда, в десятом, Эдику не грубо, тактично, а направление ума изменить старались. Но это была грубая ошибка учителей. Потому что Наташка, одетая сразу в несколько броней недоступности, мозги Эдику свернула окончательно. Чуть ли не «пойду в семинарию» и так далее. Его увидели в церкви, школа запсиховала, и в этот самый момент он опять мне говорит: «Пошли на чердак». И мы пошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.